

Посвящается Мэттью

Харпер

17 июля 1974

Он сжимает в потной ладони пластиковую оранжевую лошадку, спрятав руку в карман пиджака. Для самого разгара лета одежда слишком уж теплая, но у него давно вошло в привычку переодеваться в рабочее, когда он выходит на дело. В частности — в джинсы. Его шаг уверенный и твердый, несмотря на хромоту, — по нему видно, что он вышел не на бесцельную прогулку. Харпер Кертис далеко не бездельник. И время не ждет. За редкими исключениями.

На земле, скрестив ноги, сидит девочка. У нее голые коленки, белые, острые, словно птичьи косточки, и на них виднеются следы от травы. Заслышав шорох гравия, она вскидывает на него взгляд, но ненадолго. Все, что он успевает увидеть, — карие глаза под занавесью спутанных грязных волос, а потом она вновь возвращается к своему занятию.

Харпер немного разочарован; он надеялся, что глаза у нее будут синими — как озеро вдали от побережья, где бескрайние воды становятся похожи на океан. А коричневый — цвет мелководья и поднятой со дна грязи, в которой ни черта нельзя разглядеть.

— Что ты делаешь, золотце? — интересуется он у девочки с фальшивым энтузиазмом и присаживается рядом с ней в жиденькую траву. Да уж, он в жизни не встречал детей с таким гнездом на голове. Ее словно изрядно помотало по пыльной буре, а потом выбросило вместе с мусором, который остался валяться вокруг. Его много: проржавевшие консервные банки, стоящее на боку велосипедное колесо с выскочившими из обода спицами, щербатая чайная чашка, которую девочка поставила перед собой вверх дном, из-за чего серебристые цветочки у ободка утонули в траве. Ручка у чашки сколота — на ее месте осталась лишь пара притупившихся обрубков. — Пьешь чай?

— Нет, — бурчит она в скругленный воротничок своей клетчатой рубашки. Для ребенка с веснушками она слишком серьезная. Ей это совсем не идет.

— Ну и ладно, — говорит Харпер. — Я все равно больше люблю кофе. Не нальете мне чашечку, мадам? Черный, пожалуйста, и три ложки сахара. — Он тянется к обшарпанному фарфору, но девочка с возгласом шлепает его по руке. Из-под перевернутой чашки раздается низкое, весьма недовольное жужжание. — Господи, что у тебя там?

— Не чай, я же сказала! Я играю в цирк!

— Правда? — Он улыбается, нарочито глуповато и беззаботно, показывая, что не обижается, и ей не стоит принимать все так близко к сердцу. Но ладонь саднит от удара.

Девочка смотрит на него с подозрением. Не потому, что боится его — или того, что он может с ней сделать, — а потому что злится на него за недогадливость.

Теперь, оглядевшись, он действительно замечает раскинувшийся вокруг них разваливающийся-

ся цирк: его арену, выведенную на земле пальцем, канат в виде сплющенной соломинки для питья, устроенной на паре жестяных банок, и колесо обозрения — стоящее у куста погнутое велосипедное колесо, которое девочка подперла камнем, а между спиц засунула вырванных из журналов бумажных человечков.

А ведь этот камень прекрасно бы уместился у него в кулаке. И велосипедная спица легко проколола бы девочке глаз — прошла бы насквозь, словно через желе.

Он сильнее стискивает лошадку в кармане. Яростное жужжание, доносящееся из-под чашки, вибрацией расходитя по позвоночнику, отдается в паху.

Чашка подпрыгивает, и девочка тут же прижимает ее к земле.

— Ой! — смеется она, и наваждение рассеивается.

— Да уж, еще какой «ой»! Кто там у тебя? Лев? — Он легонько толкает ее плечом, и ее недовольство сменяется на улыбку, пусть и почти незаметную. — Так ты, значит, дрессировщица? Будешь учить его прыгать через горящие кольца?

Она улыбается шире, сверкая белоснежными зубками. На ее округлых щеках россыпью выделяются яркие веснушки.

— Не-а, после прошлого раза Рэйчел не разрешает мне играть со спичками.

Один из клычков у нее вырос неровно: слегка налезая на резец. А благодаря улыбке даже мутная грязь карих глаз кажется сущей мелочью — теперь в них виднеется блеск, от которого трепещет сердце. Зря он сомневался в Доме. Она идеальна, как и все остальные. Его сияющая девочка.

— Я Харпер, — представляется он, затаив дыхание, и протягивает руку. Она пожимает ее, придерживая чашку свободной ладонью.

— А вы незнакомец? — спрашивает она.

— Уже нет. Я ведь сказал, как меня зовут.

— А я Кирби. Кирби Мазрахи. Но когда вырасту, буду Лори Стар.

— Это когда ты приедешь в Голливуд?

Она подтягивает чашку поближе, вызывая в запертом насекомом новую вспышку гнева, и Харпер понимает: не стоило это говорить.

— А вы точно не незнакомец?

— Ну, ты же хочешь выступить в цирке? Кем же Лори Стар будет? Воздушной гимнасткой? Наземницей на слонах? Клоуном? — Он прикладывает палец к верхней губе, шевеля им. — Или дамой с усами?

К его облегчению, Кирби хихикает.

— Ну не-е-ет!

— Будешь укрощать львов! Метать ножи! Глотать факелы!

— Я буду ходить по канату. Я даже немножко умею! Хотите, покажу?

Она хочет подняться, но он перебивает ее, охваченный отчаянием:

— Нет, подожди! Можно посмотреть на твоего льва?

— Да там не лев, если честно.

— А вдруг ты обманываешь? — не сдается он.

— Ладно, но только осторожно, а то он улетит. —

Она самую чуточку приподнимает чашку. Харпер, уложив голову на землю, щурится, заглядывая внутрь, и вдыхает успокаивающий запах примятой травы и чернозема. Под чашкой кто-то шевелится. У него мохнатые лапки и черно-желтое тельце; его

усики касаются края чашки, и Кирби, ахнув, вновь прижимает ее к земле.

— Ничего себе, какой большой шмель, — говорит он, присаживаясь на корточки.

— Знаю, — гордо отвечает ему Кирби.

— А ты нехило его разозлила.

— По-моему, он не хочет выступать в цирке.

— Хочешь, покажу тебе фокус? Ты мне только доверься.

— А какой?

— Тебе же нужен канатоходец?

— Нет, мне...

Но он уже поднял чашку и накрыл взвинченного шмеля ладонями. Глухой звук, с которым отрываются его крылышки, напоминает о вишне, которую Харпер целое лето собирал в Рапид-Сити, — с точно таким же звуком он срывал ее с черенков. Он ведь колесил по стране в поисках работы словно ужаленный. Пока не нашел Дом.

— Что ты делаешь?! — кричит Кирби.

— Так, теперь нам нужна липучка для мух. Натянем ее между банками, и наш шмелек сможет по ней ходить, но точно не упадет. Есть у тебя липучка?

Он усаживает шмеля на край чашки. Тот цепляется за нее лапками.

— Зачем ты с ним так?! — Она бьет его по руке открытыми ладонями быстро и буйно.

Такая реакция его удивляет.

— Мы же играем в цирк?

— Ты все испортил! Уходи! Уходи-уходи-уходи-уходи! — повторяет она, продолжая его колотить.

— Ну хватит, хватит, — смеется он, но она не останавливается. Он перехватывает ее руку. — Сказал же. Заканчивай-ка ты нахрен, малышка.

— А ты не ругайся! — кричит она и вдруг начинает рыдать. Не этого он ожидал от их первой встречи — хотя планировать их всегда довольно бессмысленно. Дети непредсказуемы, и это так утомляет. Поэтому он их и не любит. Лучше дожидаться, пока они подрастут — вот тогда-то все будет по-другому.

— Ну ладно, ладно, прости. Только не плачь, хорошо? У меня для тебя подарок. Не плачь, пожалуйста. Смотри. — Он не знает, что еще делать, поэтому достает из кармана лошадку. Точнее, пытается, потому что ее голова за что-то цепляется, и ему приходится выдергивать ее силой. — На, бери. — Он пихает лошадку девочке в руки. Как талисман — один из тех, что связывают все воедино. Не поэтому ли он взял ее с собой? Лишь на мгновение в его мыслях мелькает сомнение.

— Что это?

— Лошадка. Не видишь, что ли? Лошадка-то явно лучше, чем какой-то дурацкий шмель, согласишься?

— Но она игрушечная!

— Да знаю я, чтоб тебя. Бери уже, а? Это подарок.

— Не хочу. — Она шмыгает носом.

— Ладно, это не подарок, а вклад. Я отдам тебе лошадку, а ты будешь ее охранять, как в банке.

Солнце припекает затылок. В пиджаке становится слишком жарко. Ему сложно собраться с мыслями и хочется поскорее уйти.

Шмель, свалившись с края чашки в траву, заваливается на спинку и беспомощно сучит лапками в воздухе.

— Ладно.

Ее слова успокаивают его. Все так, как и должно быть.

— Самое главное — не потеряй ее, хорошо? Я за ней вернусь. Договорились?

— А зачем?

— Потому что она мне очень нужна. Сколько тебе лет?

— Шесть, но через три месяца будет семь.

— Вот и отлично. Просто чудесно. Самое то. Планета вертится, как твое колесо обозрения. Когда подрастешь, мы снова встретимся. Не забывай обо мне, золотце, ладно? Я обязательно за тобой вернусь.

Он встает и отряхивает джинсы, а потом разворачивается и быстро уходит, лишь немного прихрамывая. Девочка провожает его взглядом — он переходит дорогу, а потом идет к железнодорожным путям и вскоре скрывается среди растущих вокруг деревьев. Только тогда она смотрит на пластиковую лошадку, влажную от его пота, и кричит ему вслед:

— Да? Как будто мне нужна твоя дурацкая лошадь!

Она бросает ее на землю, и игрушка, отскочив, падает рядом с велосипедным колесом обозрения. Под безучастным взглядом ее нарисованных глаз по земле ползет шмель, сумевший перевернуться.

Но за лошадкой Кирби еще вернется.

Куда она денется.

Харпер

20 ноября 1931

Песок проваливается под ногами — не песок даже, а зловонное льдистое месиво, от которого ботинки с носками насквозь промокли. Харпер ругается себе под нос, тихо, так, чтобы не услышали его преследователи. В темноте раздаются их крики: «Где он? Вы его поймали?» Если бы не было так чертовски холодно, он бы рискнул уйти по воде. Но его и так трясет от дующего с озера ветра, заползающего под рубашку, — залитое кровью пальто пришлось бросить за баром.

Он пробирается дальше по пляжу, чавкая грязью, среди сваленного повсюду мусора и гниющей древесины. У самой кромки воды стоит какая-то халупа из картонных коробок, склеенных между собой просмоленной лентой, — неплохое место, чтобы укрыться. Сквозь щели коробок просачивается свет фонаря, и вся развалюха будто бы светится. Харпер не понимает, почему люди вообще уходят жить так близко к воде. Может, думают, что все и так пошло под откос, и хуже уже просто не будет. Ну да, ведь никто не придет и не насрет им под дверь. И уровень воды не поднимется после дождя, ко всем чертям смыв их насквозь прово-

нявшее жилище. Проклятый Гувервилль¹. Пристанище всеми забытых людей, для которых неудачи стали привычным делом. Никто не будет скучать по ним. И уж точно никто не будет скучать по сраному Джимми Грэбу.

Он не ожидал, что кровь будет хлестать из Грэба так сильно. Но урод сам напросился — дрался бы честно, и ничего бы с ним не случилось. Но нет, он был пьяным в стельку жирдяем, который не придумал ничего лучше, чем полезть к яйцам Харпера, потому что не смог ему врезать. Ублюдок даже успел схватить его за штаны своими жирными пальцами. А на грязные приемы отвечать нужно еще грязнее. Харпер не виноват, что острый осколок стекла задел артерию. Он-то метил Грэбу в лицо.

А все из-за того, что хренов туберкулезник начал кашлять на карты. Нет, Грэб, конечно, стер кровь рукавом, но все знали, что он заразный — видели, как он постоянно отхаркивается в испачканный кровью платок. Болезни, разруха да шалящие нервы. Вот что погубит Америку.

Но разве докажешь это «мэру» Клейтону и его геройской шайке самовлюбленных линчевателей? В подобных местах плюют на законы. Как и на деньги, и на собственное достоинство. Можно было бы догадаться — он же видел висящие на каждом втором магазине вывески о взыскании имущества банком. Стоило посмотреть правде в глаза: американцы сами на это напросились.

По пляжу скользит тусклый луч фонаря, ненадолго останавливаясь на следах, которые Харпер

¹ Поселение из палаток и лачуг, где жили люди, потерявшие работу во время Великой депрессии. Названо в честь президента США Герберта Гувера.